

О ВЫРАЖЕНИИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

Э. Р. ЛАССАН

Понятие оценочности широко разрабатывается сегодня в синтаксисе, семантике, прагматике.

„Сущность любого высказывания есть высказывание некоторого отношения к объекту” [Колшанский, 1975, с. 118]. Мы говорим о том, что так или иначе касается нас, что в той или иной мере оказывается небезразличным для нас. Поэтому даже высказывания типа *он пришел*, которые, казалось бы, не содержат никаких оснований для того, чтобы усматривать в них оценочное отношение к описываемому событию (они не экспрессивны, в их составе нет ни эмоционально, ни стилистически окрашенных слов), предполагают определенную отрицательную/положительную реакцию слушающего и говорящего на называемое событие, оценочный характер которой определяется тем, было ли это событие желанным/ожидаемым и т. д., т. е. соответствовало ли оно интересам участников общения.

Оценка события, осуществляемая говорящим, будет определять интонацию произнесения высказывания, а оценка события слушающим — модель его как языкового, так и внеязыкового поведения. Этот пример приведен для того, чтобы показать, насколько сильна у языка его аксиологическая функция, как широко пронизывает оценочность языковые структуры. „Семантика языка включает семантический признак «положительность/отрицательность»” [Почепцов, 1977, с. 89]. Возникает вопрос, может ли быть этот оценочный признак представлен формально, может ли он найти эксплицитное выражение при описании значения языковой формы? Представляется, что по отношению к высказыванию признаки „положительное/отрицательное” выступают не как семантические, а как психологические явления, представляющие собой внеязыковые оценочные реакции на внеязыковые объекты. Характер этих признаков (<+> или <->) неустойчивый, определяемый ситуативными и индивидуальными особенностями общения и общающихся. Поэтому они не могут быть формально представлены в составе значения высказывания. По-иному представлен оценочный признак в семной структуре слов. Этот признак мо-

жет иметь лексическую реализацию в семантической структуре слов в качестве семантического компонента или коннотативного признака [Почепцов, 1977, с. 89].

В статье делается попытка выяснить, как именно представлен этот признак в семной структуре существительных со значением лица. Объектом анализа явились существительные типа *лентяй, убийца, грабитель, лоботряс, зачинщик* и т. д., несущие фиксированную отрицательную оценку. Под оценкой мы понимаем то отношение к денотату имени, которое возникает в сознании при восприятии слова. Под фиксированной оценкой мы понимаем оценку явления, не зависящую от того, в каком контексте находится называющее его слово. Так, у некоторых существительных со значением лица, несущих, на первый взгляд, очевидную отрицательную оценку, может происходить ее ослабление: напр., слово *поджигатель* сопровождается как будто бы отрицательной оценкой, но в контексте: „дети находятся под влиянием наказания брата, а главное — нет поджигателя обычного возбуждения” (Гарин-Михайловский) — оценка, безусловно, смягчается.

Характер оценки установлен с учетом данных опроса информантов, а также помет словарей типа „неодобрительное”, „презрительное” и т. п. (СРЯ, 4 т.).

Наблюдения над существительными со значением лица позволяют предположить, что оценка может быть формально представлена в составе толкования и она по-разному включается в семную структуру слов. По особенностям включения оценки можно выделить несколько групп существительных.

1. Для существительных в парах *зачинщик — застрельщик, шпион — разведчик, мятежник — повстанец* характерно тождество денотативного значения. Ср.: *зачинщик — тот, кто что-либо начинает; застрельщик — тот, кто что-либо начинает (СРЯ), повстанец — участник восстания, мятежа: мятежник — участник мятежа (СРЯ)*. Лица в данном случае называются по действию, которое они осуществляют. Если действие не совпадает с интересами говорящего, то он выбирает для их обозначения слова *зачинщик, шпион, мятежник*, а в случае удовлетворения действиями лиц говорящий использует вторые слова в приведенных парах. Таким образом, различие между этими словами чисто прагматическое, определяемое отношением говорящего. Как и всякая оценка, оценка, выражаемая указанными словами, конструируется такими элементами, как субъект оценки, ее предмет, основание оценки, в качестве которого может выступать некоторое чувство, ощущение или некоторый образец, идеал, стандарт [Ивин, 1970, с. 21–26]. В качестве предмета оценки выступают здесь действия лица, в качестве основания оценки или точки отсчета, нормы, как уже было сказано, — интересы говорящего. Представляется, что оценка в словах подобного

рода может быть описана в составе модальной рамки толкования, предполагающей включение в толкование говорящего [Артесян, 1973, с. 68] *Зачинщик* – тот, кто начинает что-нибудь; [*говорящий считает, что то, что начинается, – плохо*]; *Застрельщик* – тот, кто начинает что-нибудь; [*говорящий считает, что то, что начинается, – хорошо*]. Таким образом, оценка выявлена в этих словах посредством оценочных слов „плохо”, „хорошо”. Однако данное описание не доведено до элементарного уровня. „Хорошо” можно представить как то, что соответствует норме, а „плохо” – как то, что не соответствует норме. В таком случае отрицательную оценку эксплицитно можно представить в виде отрицания *не* в составе модальной рамки толкования. Слово, несущее отрицательную оценку, оказывается семантически сложнее на один компонент, чем слово с положительной оценкой.

2. Слова типа *лентяй, врун, зануда, болтун* называют лицо не по действию, им совершаемому, а по „состоянию души”, по обычной манере поведения, склонностям. Ср. возможность такого высказывания: „вообще-то он не болтун, вот только сегодня много говорит”. Эти слова также содержат в своих толкованиях отрицание *не*, которое, однако, находится уже не в модальной рамке.

Лентяй – не желающий трудиться; *врун* – говорящий неправду, не говорящий правду. Отрицание может быть вскрыто и не на первом шаге толкования: *льстец* – тот, кто склонен к лести; *лесть* – преувеличенное восхваление; преувеличенное – не соответствующее действительности. Основанием оценки в данном случае служит стандартное представление о том, каким должен быть человек: „говорить правду”, „трудиться”, „стремиться к тому, чтобы слова не расходились с делом”. Отступление от этих принципов и вызывает отрицательное отношение в языковом коллективе. Качества, обозначающие соответствие норме, в языке чаще всего передаются не существительными, а прилагательными: искренний, трудолюбивый, серьезный и т. п. На наш взгляд, моральные принципы типа „трудиться” являются теми „семантическими примитивами” – термин А. Вежбицкой [Вежбицка, 1983, с. 225], которые могут быть исходной базой для производства очень многих слов, в том числе и слов с отрицательной оценкой; (трудиться + не) – лентяй, лоботряс, туеядец, паразит и т. д.; (говорить правду + не) – врун, лжец, льстец, лицемер, клеветник, плут и т. д. Поэтому значение слов с отрицательной оценкой можно представить как отрицание своих „семантических примитивов” (естественно, с добавлением компонентов, обуславливающих специфику их значения; так, для слова *льстец* – неискренний в похвалах, для слова *лицемер* – неискренний в выражении чувств и мыслей, преследующий определенную цель). Следовательно, слова данной группы также включают *не*, относящиеся, однако, ко

всему толкованию. И они являются семантически более сложными по сравнению с исходными „семантическими примитивами”.

3. К третьей группе мы отнесли слова типа *убийца*, *вор*, *грабитель*, называющие лицо по поступку, им совершаемому. Осуществляемые этими лицами действия имеют отрицательную общественную оценку, ибо являются нарушением моральных норм „не убивать”, „не красть” и т. д.

Следует отметить, что слова с отрицательной оценкой в предыдущей группе могут обозначать явления, в разной степени отклоняющиеся от „нормального” поведения или просто нормы. Чем выше степень несоответствия норме, тем ярче отрицательная оценка, выражаемая словом. Так, очевидно, что *лентяй* „лучше”, чем *лоботряс*, а последний в свою очередь „лучше”, чем *туняедец*, который не трудится вообще. В свою очередь данная норма допускает отклонения и в другую, „положительную”, сторону. Того, кто трудится „больше нормы”, мы называем „тружеником”, „великим тружеником” и т. д.

В третьей же группе отклонение от „нормы” не допускает градации. Тут возможно только бинарное отношение: нарушить/не нарушить.

С этим различием связано и различие в характере семантических группировок внутри рассматриваемых групп: внутри второй возможны семантические группировки – *вор* – *грабитель* – *бандит*, – однако члены их различаются количеством и характером компонентов: *вор* – совершающий кражи, *грабитель* – кражи с применением *насилия*, *бандит* – насилие с применением *оружия*. Группировок же, различающих свои члены только по интенсивности признака, в третьей группе быть не должно.

Между словами второй и третьей группы существует еще одно отличие. Слова типа *лентяй*, *лун*, *лицемер* можно считать так наз. „сгущенными индукциями”, которые, как отмечает А. Вежбицкая, „относятся к множеству событий” [Вежбицкая, 1982, с. 257]. Можно один раз проявить лень, но этого еще недостаточно, чтобы слыть лентяем. Значит, *лентяй* – тот, кто *постоянно* ленив; *лысец* – тот, кто *постоянно* лысоват, *убийцей* же можно назвать человека, даже если он один раз совершил действие, выраженное глаголом *убить*. Правда, здесь существует некоторая особенность занимаемой словом позиции. В субъектной – *грабитель*, *видимо, очень опытен* – существительное только описывает лицо, называя его по совершенному (даже и однократно) поступку; употребленное же в предикатной позиции – *он* – *грабитель* – слово заставляет предположить за лицом преступные наклонности. Это связано с тем, что „русские наименования лиц в именной части сказуемого могут передавать только значение постоянного признака...” [Арутюнова, 1980, с. 161].

Как же выражается оценка в словах третьей группы? На первый взгляд кажется, что отрицательная оценка носит здесь характер коннотативного признака — мы осознаем, что данные действия не соответствуют человеческой морали, и осуждаем их, но в значении это отношение эксплицитно не выражается. Однако при разложении значений на семантические элементы видно, что отрицание появляется в составе толкования: *убийца* — *каузирующий не иметь жизнь*; *грабитель* — *каузирующий не иметь имущество*; *бандит* — *каузирующий не иметь жизнь или имущество посредством оружия*.

Итак, нами рассмотрены три группы агентивных существительных, восприятие которых у слушающих вызывает отрицательное отношение к их денотатам. Члены этих групп различны по характеру выражаемого значения: в значении слов первой и третьей группы (*зачинщик*, *убийца*) преобладает денотативный элемент — название лица происходит по непосредственно воспринимаемому событию. При таком характере значения отрицание *не* либо входит в модальную рамку толкования (1), либо вклинивается внутрь толкования (3). И в том и в другом случае отрицание распространяет свое воздействие не на все толкование. Очевидно, поэтому слова этих групп, несмотря на свой оценочный характер и наличие *не* в толковании, способны употребляться в субъектной позиции. *Зачинщик драки был еще молод*; *убийца был совсем еще молод*. (В литературе обычно отмечается неспособность оценочных слов и слов, содержащих *не*, входить в идентифицирующие дескрипции.) [Арутюнова, 1980; Вежбицка, 1983]

Значение слов второй группы носит скорее прагматический характер — название лица происходит по оценке качеств, которые говорящий вычленяет в объекте на основе обобщения целого ряда его поступков. Отрицание относится ко всему толкованию, поэтому слово не способно выступать в субъектной позиции — лишенное вообще позитивного содержания, оно не может идентифицировать лицо.

Несмотря на отмеченные отличия, члены этих групп имеют принципиальную общую часть: они все содержат в своих толкованиях отрицание *не*. Отсюда вывод, вытекающий из предложенного анализа, может быть сформулирован следующим образом: отрицательная оценка не носит в семантике знака „характер какого-то дополнительного оценочного компонента, наслаиваемого на денотативный” Она может быть эксплицитно выражена в составе толкования частицей *не*, представляющей отрицание того, что „хорошо” в данном коллективе, т. е. того, что предстает как „норма” поведения. При этом то, что соответствует норме, может не иметь специального языкового выражения (в виде отдельного слова). При таком подходе основным компонентом оце-

ночного значения становится отношение к такому социально-психологическому явлению, как норма, причем это отношение (нарушение нормы) получает эксплицитное языковое выражение.

THE NEGATIVE VALUE OF THE AGENTIVE NOUNS IN THE STRUCTURE OF THE MEANING

E. R. L A S S A N

Summary

The article deals with the problem of the componential structure of the meaning. The negative value can be explicated by the component "не" There are three main groups of the agentive nouns.

In the first group "не" belongs to the modal frame of the meaning. In the second one "не" is connected with the whole meaning. In the third group "не" is included in the component to cause "not to be".

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова, 1980 – А р у т ю н о в а Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. – В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Апресян, 1974 – А п р е с я н Ю. Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974.

Вежбицкая, 1982 – В е ж б и ц к а я А. Дескрипция или цитация. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вып. 13.

Вежбицкая, 1983 – В е ж б и ц к а А. Из книги „Семантические примитивы”. Введение. – В кн.: Семиотика. М., 1983.

Ивин, 1970 – И в и н А. А. Основания логики оценок. – М., 1970.

Колшанский, 1975 – К о л ш а н с к и й Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975.

Почепцов, 1977 – П о ч е п ц о в Г. Г. Положительность, отрицательность как семантический фактор в синтаксисе. – Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика. М., 1977, вып. 112.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса

Май, 1984

Кафедра русского языка